

Б.В.ШЕРГИН. ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО

Замечательно, что современная школа открыла свою дверь самобытнейшему, ни на кого не похожему писателю, сказителю Борису Шергину. С ним словно входит в класс задушевный собеседник и, даря нам родниковую свежесть родного языка, певучим, неспешным, окающим говором ведет речь вроде бы сказочную, но вместе с тем настолько понятную и близкую, что незаметно соединяет в наших сердцах прошлое и настоящее, возвращает нам нас самих, напоминает нам о теплоте и сердечности отношений между людьми, которые еще так недавно бытовали в России и возвращение которых возможно только при нашем участии.

Начнем урок не совсем обычно.

— Чтобы представить себе человека, важно нам знать, когда он родился, где учился, работал? Достаточно ли этого?

Вопрос обращен к личному опыту детей, который важно обогатить совместным опытом, вынесенным из нашей беседы.

— «Я, Борис Викторович Шергин, родился в г. Архангельске, в 1896 году в семье архангельского помора, корабельного мастера. Окончив классическую гимназию, я учился затем в Московском Строгановском художественно-промышленном училище...» — рассказывал писатель Борис Шергин, с творчеством которого мы сегодня познакомимся, в автобиографии. Какие вопросы вы бы задали писателю, чтобы лучше его узнать?

Наша предварительная беседа не прошла бесследно: дети убедились, как важно, кроме дат и фактов, знать, кто родители человека, как и каким он рос, с кем дружил, какой была его семья — что его формировало, делало человеком.

Мысль о важности детских, юношеских впечатлений — одна из главных на наших уроках. И биография писателя, и литературный материал, и собственная жизнь должны убедить наших воспитанников в том, что эти впечатления остаются с человеком на всю жизнь и нередко определяют его судьбу.

Они определили и судьбу Шергина, писателя и человека. «Детство его было исполнено событиями, в основе которых лежало обыкновенное чудо жизни у моря, у славного, воспетого народом поморским седого Гандвига. Эта сказка детства в родительском благочестном доме взлеяла в мальчике чистую художническую душу, она озарила всю его жизнь сильным и непрекращущим светом» (Галкин Ю.

Б.Шергин // Шергин Б. Избранное. — М., 1977. — С. 10).

Детское сознание и цепкая память сохранили убаюкивающую ласку материнских колыбельных песен, силу отцовских рук и нежную любовь его сердца, картины сурового труда рыбаков и всеобщего праздника их возвращения с моря, те счастливые минуты и часы, когда в дом входили сказка, былина, предание, которые украшали нелегкий быт семей, живущих у Белого моря, и звали к добной деятельности. И поморы, идущие на дальний промысел, брали с собой на корабль песню и сказку: они помогали не поддаваться тоске в разлуке с родными, выстоять в борьбе за жизнь, не падать духом в испытаниях, в долгой полярной ночи светили негасущим светом надежды.

— Какие же впечатления из своего детства вынес Шергин? — поставим перед ребятами вопрос, знакомя их с отдельными эпизодами рассказа «Детство в Архангельске».

«Комната в доме были маленькие, низенькие, будто каютки; окошки коротенькие, полы желтенькие, столы, двери расписаны травами... По стенам на полочках корабельные модели оснащены. С потолков птички растопоршились деревянные — отцово же мастерство... Первые годы замужества мама от отца не отставала, с ним в море ходила. Потом хозяйство стало дома задерживать и дети... Я у матери на коленях любил засыпать. Она поет:

*Баю, баю да люли!
Спи-то, усни
Да большой вырастай,
На оленя гонец,
На тетеру стрелец...*

Отец нам про море лел и говорил. Возьмет меня на руку, сестру на другую, ходит по комнате, поет:

*Корабли у нас будут сосновые,
Нашёсточка, лавочки еловые,
Весельшки яровые,
Гребцы — молодцы удалые.*

Я постарше стал, меня дома читать и писать учили. Отец рисовать был мастер и написал мне азбуку, целую книжку. В азбуке опять корабли, и пароходы, и рыбы, и птицы — все разрисовано красками и золотом.

К азбуке указочка была костяная, резная...

Азбуку мне отец подарил к Новому году, поэтому в начале было написано стихами:

*Поздравляю тебя, сын, с Новым годом!
Живи счастливо да учись.
Ученый водит, неученый следом ходит.
Заря счастье кует.
Ходи вправо, гляди браво...
Будь, сын, отца храбрее,
Матери добрее.
Живи с людьми дружно,
Дружно, не грузно,
А врозь — хоть брось!..*

Остановимся на несколько минут, чтобы выяснить, что запомнилось, какое впечатление произвел этот рассказ, как можно было бы назвать дом, семью, о которой мы слышали.

— Дом хоть и маленький, да уютный.
— Красивый, украшенный рисунками.
— Птички деревянные к потолку пришвешены.

— Они дружные. Жена с мужем в море вместе ходили, пока детей не было.

— Детям с детства песни пели и мать, и отец.

— Отец сыну сам азбуку сделал, всю ее разукрасил рисунками.

— Подарил на Новый год со своими стихами.

Худ. Ю.Фролов

Ищем и записываем на доске и в тетради слова, которые бы отразили дух этой поморской семьи: дружная, добрая, трудолюбивая, теплая, веселая. Находим слово, объединяющее все эти смыслы, — счастливая.

Заострим внимание ребят на необходимом нам моменте:

— Дети в семье Шергиних маленькие, и вроде рано их ко взрослой жизни готовить, пусть поиграют, заботы не зная. Сейчас ли думать, кем и какими они станут?

Обсуждая этот вопрос, говорим, что детей готовили к жизни у моря, к морскому делу с малых лет, хотели мальчика видеть смелым и добрым, учили не лениться, с людьми жить в ладу, не унывать, с верной дороги не сбиваться.

— Чем по сути была самодельная книжечка, подаренная корабельным мастером первой статьи Виктором Васильевичем Шергиным своему шестилетнему сыну, только новогодним поздравлением?

Так в нашем совместном перечислении возникает еще один ряд: родительское пожелание, наставление, наказ, завет, завещание.

И мы делаем первое обобщение: в

этой семье озабочены прежде всего строительством души ребенка. И начиналось оно с колыбельных песен, с общения с матерью, отцом, с впечатлений от родного дома.

— В доме этом, — продолжим мы свой рассказ, — хранили семейные предания. Одно из них, как познакомились Анна Ивановна и Виктор Васильевич, родители писателя. Произошло это в мастерской деда, где шили паруса на корабельные верфи. Захаживали сюда моряки. Приглянулась скромная, домоседливая девушка одному бравому мурманскому штурману с русой бородой, да как об этом ей сказать? Теперь послушаем мы историю, рассказалую Шергиним, так похожую и языком, и характером на сказку, только сказка эта из настоящей жизни.

«Молоденькая Ивановна не любила ни в гости, ни на гулянья. В будни посиживала за работой, а в праздники — с толстой поморской книгой у того же окна...

Вскорости деда навестил знакомый капитан, зашел проститься к дочери хозяина и подал ей конверт.

— Дозвольте по секрету, Анна Ивановна: изображенное в конверте лицо, приятель мой, мурманский штурман, уходит на дне в опасное плаванье и...

Молоденькая Ивановна вспыхнула и бросила конверт на пол.

Капитан сконфузился и убежал. Разгневанная Ивановна швырнула обратно пакет ему вслед, потом вынула фотографию, поставила перед собою на стол и до вечера смотрела и шила, смотрела и думала.

Прошло лето, кончилась навигация. По случаю праздничного дня дедушка с дочкой сидели за чтением. В палисаднике под окном скрипнула калитка, кто-то вошел.

Молоденькая Ивановна взглянула, да и замерла. И вошедший — тот самый мурманский штурман — приподнял фуражку и очей с девицы не сводит...

Но и дед не слепой, приоткрыл раму:

— Что ходите тут?

— Малину беру...

А уже о Покрове... Снег идет.

Старик к дочери:

— Аннушка, что плачешь?

— Ох, зачем я посмотрела!..

— Аннушка, люди-то говорят — ты на-
добра ему...

Вот дед с мурманским штурманом домами познакомились. Штурман стал с визитами ходить. Однажды застал Анну Ивановну одну...

— Вы все с книгой, Анна Ивановна...
Вероятно, замуж не собираетесь?..

— Ни за царя, ни за князя не пойду!

Гость упавшим голосом:

— Аннушка, а за меня пошла бы?

Она шепотом:

— За тебя нельзя отказаться...»

— Конечно, мы с вами поняли, что Аннушка и молодой штурман полюбили друг друга. Вот только как мы об этом догадались, ведь прямо они об этом не сказали ни слова?

Находим подтверждение своей правоты и в стеснении молодого штурмана прямо сказать о своем чувстве и потому приславшего товарища с письмом; и в том, как строгость суповой молоденькой Ивановны сменилась любопытством и интересом, в долгом разглядывании фотографии; и в желании молодого человека увидеть девушку, а потому искавшему повод заглянуть в дом; и в слезах Аннушки — как признании; и в доброй людской молве о ней; и в упавшем голосе штурмана, уже потерявшем надежду; и в ответном, признательном шепоте, который громче крика сказал о любви.

— Как, по-вашему, почему молоденькую Аннушку все величают Ивановной, то есть по отчеству?

Соглашаюсь с детьми: в этом сказались уважение к девушке.

— А чем она это уважение заслужила?
Автор ведь об этом не говорит, нас заставляет думать.

В обсуждении находим причину в ее скромности, трудолюбии, строгости, сердечности. Подумав, добавляем к этим ка-

чествам способность чувствовать человека, правильно его оценивать (что отличает, с удовлетворением добавляем, и ее избранника).

Сложилась семья, начались семейные будни, рождались дети. Вернемся к рассказу Шергина:

«Однако, когда в море наступят дни гнева и мрака, а об отце вестей долго нет, не знала мама покоя ни днем, ни ночью. Выбежит наутро, смотрит к северу, на ответ только чайки волят к непогоде.

Вечером заповорачиваются на крыше флюгера, заплачет в трубе норд-вест. Мама охватит нас руками.

— Ох, деточки! Что на море делается... Папа у нас там!

Я утешаю:

— Мамушка, я, как вырасту, дальше Соломбалы не пойду в море.

А Соломбала — часть того же Архангельска, только на островах.

Не одна наша мама печалилась. При конце навигации сидят где-нибудь, хоть на именинах, жены и матери моряков. Чуть начнут рамы подрагивать от морского ветра, сразу же гости поблекнут, перестанут ложечки побрякивать, стынут чашки...

Зимой отец на берегу, у матери сердце на месте» («Детство в Архангельске»).

— Посмотрим на доску, где мы записали оценочные определения к слову семья. Что нового мы узнали о ней из этого эпизода?

Добавляем в ряд недостающее: семья заботливая, ждущая, где все понимают и

поддерживают друг друга. И здесь найдем обобщающее слово — любящая.

— Какие картины рисует наше воображение, когда мы читаем у Шергина: «в море наступят дни гнева и мрака», «заповорачиваются на крыше флюгера, заплачут в трубе норд-вест»; «гости поблекнут, перестанут ложечки побрякивать, стынут чашки»? — Еще раз привлекаем мы внимание к образному, выразительному слову писателя-художника, делающего зрячим ум и сердце читателя.

— И еще один эпизод из жизни уже знакомой нам семьи:

«Это было давно, когда я учился в школе. Торопились домой обедать, а из чужого дома незнакомый мальчик кричит мне:

— Эй, ученик! Зайди на минутку!
Захожу и спрашиваю:

— Тебя как зовут?

— Миша Ласкин.

— Ты один живешь?

— Нет, я приехал к тетке. Она убежала на службу, велела мне обедать. Я не могу один обедать. Я привык на корабле с товарищами. Садись скорее, ешь со мной из одной чашки!

Я дома рассказал, что был в гостях у Миши Ласкина. Мне говорят:

— В добрый час! Ты зови его к себе. Слышишь, что его отец ушел в дальнее плавание.

Так я подружился с Мишой» («Миша Ласкин»).

— О чем нам говорит этот эпизод?

— О добром отношении друг к другу.

— Они все друг другу доверяют, нет тайн у детей от родителей.

— И родители уважают сына, видят, что он нашел хорошего друга.

— Этот мальчик ведь тоже был на корабле, видно, хороший товарищ, и отец у него в дальнем плавании.

— Их дом открыт для друзей сына.

Так словами гостеприимная, открытая дополняется ряд определений к слову семья, и мы приходим к выводу, что семью эту можно назвать семьею с большой буквой — Семьё.

Вместо вопроса, понравилось ли, как пишет Шергин, спрашиваю, кто хочет взять книжечку с рассказами, о которых мы говорили на уроке.

Просим ребят к следующему уроку узнатъ, есть ли в их семьях свои предания, истории, которые передаются из поколения в поколение; рассказать, какими они представляют идеальные отношения в семье, что больше всего они запомнили из своего детства (на выбор).

На втором уроке читаем и обсуждаем рассказы «Поклон сына отцу» и «Ваня Датский».

«У всякого человека есть что вспомнить, — писал Шергин, — но у человека бездарного ничего не отпечаталось. Бездарному все ни к чему, все мимо носу прошло.

Самая великая печаль — утрата близких, вековечный уход их. Уходят отец и мать, муж, жена, брат, дети, друзья верные. Пусто, тошно, несносно обижаться без человека, с которым жил однодумно и

совестно, который всегда был на глазах, которого ласковые речи всегда были в ушах. Но проходит время, "годы катятся, дни торопятся", пустота заполняется. Глубокий ров скорби, которому, казалось, не было дна, уравнивается жизнью, ее неизбежными заботами, событиями, новыми огорчениями и радостями. И человеком помнит и ощущает бывшего спутника и участника жизни. Конечно, чем дальше шел ты по жизненной дороге с близким твоим, тем дальше будет и неутешность твоя. Скорбь об ином утешит тебе только мать — сыра земля. Но у большинства людей время залечивает раны...

В коротком, в полторы книжные странички, рассказе «Поклон сына отцу» Шергин сдержан в прямом выражении своих чувств, но свет его сыновней любви согревает каждую строчку, передавая и читателям чувство уважения к человеку-труженику, отцу — наставнику и добруму другу сына.

Текст рассказа положим на каждую парту.

ПОКЛОН СЫНА ОТЦУ

Отец мой, берегам бывалец, морям проходец, ленивой и спокойной жизни не искал.

От юности до старости жизнь его прошла в службе Студеному морю. В звании матроса, затем штурмана и шкипера хо-

дил в Скандинавию и на Новую Землю. Имел степень «корабельного мастера первой статьи». Ряд лет состоял главным механиком Мурманского пароходства.

Мы видели отца дома в Архангельске только зимою. Прибывает в обед с верфи или из «Мурманских мастерских». Для спеху уж все на стол поставлено. И убывает — не убрано.

— Мне некогда. Машину пробуем...

За ужином ушки хлебнет, а рыбы не может:

— Я устал. Я лягу.

Жизнь скоро скажется, а трудно тянется...

Я еще мал был, беда стряслась над нами: у отца жили с правой руки машиной обрало, и до смерти пальцы худо разгибались.

Еще помяну дни горя, когда с маяка телеграмма в город пришла: «Пароход "Чижов" у Зимнего берега разбит».

А на «Чижове» отец ходил... Однако не судьба была тогда погибнуть. Отец спасся с командой.

Зимой в свободный час он мастерил модели фрегатов, бригов, шкун. Сделает корпус, как есть по корабельному — и мачты, и реи, и паруса, и якоря, и весь такелаж. Бывало, мать только руками всплеснет, когда он на паруса хорошую салфетку изрежет.

Лет семи начал я у отца проситься в море, а он не внимал:

— Рано тебе, свет, рассол морской пробовать. Лучше тебе мама кофейку нальет.

— Я рыбу хочу промышлять.

— Вот и промышляй у себя ложкой в тарелке.

Только на десятом году попал я в море до Мурмана.

Иной раз ранней весной или поздней осенью пойдет отец на бор похотиться, тут я ему закаблучье обступал. Отец был хороший стрелок, отроду с ружьем, и я юн забегал с дробовкой. С компасом и часы по солнцу узнавать отец меня выучил. Ступаем по мху, по мягким оленым путящам, и он мне рассказывает о зверях, о птицах, о рыbach, как они живут, как их добывают, как язык животных понимать...

Только пустых бесед и разговоров не терпел и боялся.

Скажет:

— Праздное слово сказать — все одно что без ума камнем бросить. Берегись пустопорожних разговоров, бойся-перебойся пустого времени — это живая смерть... Прежде вечного спокоя не почивай... Слыхал ли поют:

*Лежа добра не добыть,
горе не избыть,
чести и любви не нажить,
красной одежды не носить.*

И еще скажу — никогда не печалься. Печаль как моль в одежде, как червь в яблоке. От печали — смерть. Но беда не в том, что в печаль упадешь; а горе — упавши, не встать, но лежать. А и смерти не бойся. Кабы не было смерти, сами бы себя ели...

А и весело подойдет, отец и того не хоронится. С мореходами за стол сядут, запоют песни, захочут, ажно посуда в шкафу звенит. У Ледовитого океана, у Грозного промысла, без шуток да без песен и век проживешь — не усмехнешься.

А отец много на веку работы унес, много поту утер на зною у машины, на людей тружаяся, не давая себе покоя ни в дни, ни в ночи.

В Мурманском доке у отца был кочегар — парнишка недавно из деревни. Ночью на работе его в сон склонит у топки. Отец своего отдыха час-другой оторвет, спящего заменит:

— Молод, бедной... мне эдак-то с мала пришлось... Теперь легче, теперь двенадцать часов. А лускай поспит.

Среди зимы на пятьдесят пятом году жизни отец заболел, но работы ни в доке, ни в мастерских не оставлял, торопясь наладить судовые машины к навигации.

Конец апреля того же года пароходы засвистели, в море пошли, а мы снесли мужественное отцово тело на вечный отдых.

— Я уверена: если спросить у вас, какое чувство испытывает к отцу Шергин, вы

мне ответите... Верно, любовь. А ведь он ни разу не произнес: «Как я любил отца». Каким же образом он нам об этом поведал?

— Он рассказал, как много отец работал.

— Так и говорит: «Отец много работал»?

— Нет. Он рассказывает: отец приблизит пообедать — и обратно на верфь.

Вечером у него и поесть нет сил: хлебнет только ушки...

— Прямо он тоже об этом говорит: «А отец много на веку работы унес, много поту утер на зною у машины, на людей тружаяся, не давая себе покой ни в дни, ни в ночи».

— Когда отец много трудится, а сын это видит и знает, что он для людей трудится, то, наверное, точнее сказать, что он отца за то... конечно же, уважает.

— Он вспомнил, как отец поранил на работе руку. Он его жалеет.

— Какое слово хорошее жалеет. Если любишь, то обязательно жалеешь, переживаешь, верно?.. С отцом случилась беда, а Шергин пишет: «...беда стряслась над нами». Почему так?

Нам важно, чтобы ученики отметили: боль родителей дети воспринимают как свою, болезнь отца — общая беда. И у этого участия есть точное название — *сострадание*, то есть общее, совместное переживание.

— Еще сын вспоминает, как с отцом на охоту ходил. Отец научил его время узнавать по солнцу и компасу, охотиться.

— Он рассказывал сыну о лесе, его обитателях, учил их язык понимать...

— Вы, по-моему, привели сейчас примеры любви отца к сыну, а ведь мы говорим о любви сына к отцу, — сознательно «проверяли» мы ребят, стремясь, чтобы они сами установили обязательность такой взаимосвязи.

— Ведь сын помнит все добро отца, он этого не забыл.

— Отец любил сына и с ним много занимался, и сын отца любил, не забывает, вспоминает.

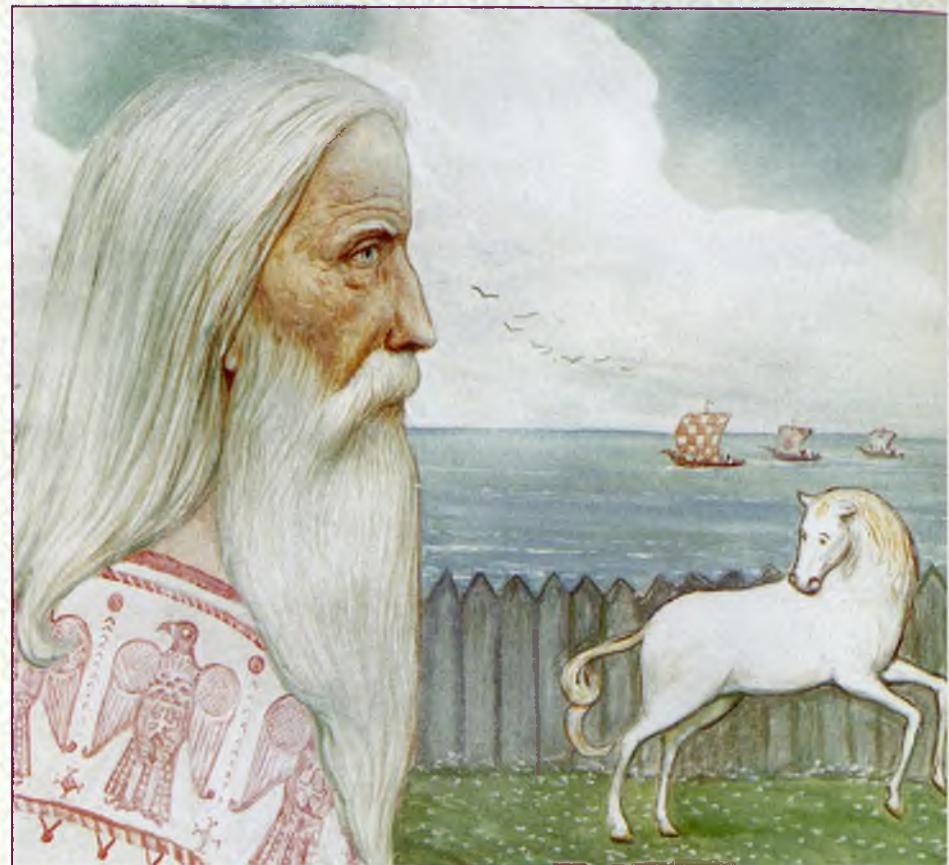
— Значит, наша любовь сохраняется... продолжите. Конечно, и в нашей памяти.

— Может мы продолжить примеры, когда любовь отца к сыну возвращается любовью сына к отцу?

Ребята говорят об отцовских словах, запомнившихся на всю жизнь. А почему запомнившихся? Потому что они складные, яркие, врезаются в память, как пословицы.

Не торопясь переберем эти мудрые мысли, вникнем в их смысл:

«Праздное слово сказать — все одно что без ума камнем бросить»; «От печали — смерть... горе — упавши, не встать, но лежать»; «Бойся... пустого времени — это

*Oстров Рюген. Левая часть триптиха.
Худ. И.Глазунов. 1986*

живая смерть... Прежде вечного спокоя не почивай...»

— Какой человек открывается в этих пословицах, и каким он хотел видеть своего сына, свое продолжение в жизни?

— Почему рассказ так называется — «Поклон сына отцу»? Что заключает это слово — *поклон*?

Поняли, что в поклоне, кроме уважения, выражается еще и благодарность, благодарная любовь, которая и после ухода родного человека согревает нас.

Просим ребят продолжить записи прошлого урока и самостоятельно закончить предложение: *Любить — значит...*

После обсуждения сделанного с удовлетворением отмечаем, что уроки Шергина усвоены: *любить — значит уважать, жалеть, сострадать, помнить, быть благодарным*.

С замиранием сердца слушают наши ученики рассказ «Ваня Датский», уже началом так похожий на сказочную историю. Только вместо «В некотором царстве, в некотором государстве жили-были...» или «У моря, у океана...» читаем: «У Архангельского города, у корабельного пристанища, у лодейного прибежища, в досельные годы торговала булками честна вдова Аграфена Ивановна». Да и история происходит не за тридевять земель, не в неведомой стороне, а в городе Архангельске,

что у студеного моря Белого. Но о реальном этом городе тоже поведано по-сказочному: «В летнюю пору судов у пристани — воды не видно; народу по берегам — что ягоды-морошки по белому мху; торговок-пирожниц, бражниц, квасниц — будто звезд на небе...»

— Я вижу по глазам, как понравилась вам эта история. Вот только как, по-вашему, взаправдашняя она или нет? Быть это или небыть?

Делимся впечатлениями, размышлениями...

Рассказанное вполне могло быть: мог мальчик так море любить, что, ослушавшись мать, без ее благословения ушел тайно на чужеземном корабле; понятно, что мать не пускала его: «Я те благословлю поленом березовым! Мужа у меня море взяло, сына не отдам!»; вероятно, что он стал хорошим моряком и за годы десять раз сходил в кругосветное плавание; мог он в реальности жениться в Дании, трех сыновей растить; конечно же, мать не могла не горевать о сыне, не мечтать увидеть его хоть глазком; правдиво для всех нас звучит и рассказ о том, как трижды возвращается сын в родной город, чтоб только маму увидеть; похоже на правду и возвращение Ивана уже с семьей на родину: уж очень хорошо внукам в «теплом русском гнездышке». Обнаруживаем... что все правда.

— Да и автор, заканчивая рассказ, убеждает: «Аграфенины внуки-правнуки и сейчас живут на Севере, на Руси».

По имени Вани, который бегал в Даннию, и фамилия их — Датские».

— А все же, ребята, согласитесь, что не только началом — зацином история похожа на сказку, но и языком, манерой рассказывания.

Вспоминаем, что трижды Иванушко возвращался на родину (а это любимое сказочное число). Трижды подкладывает он в корзину мамы деньги. И вырастает он по-сказочному быстро: «раз — и минуло двадцать лет». «Точно вчера Иванушко бегал здесь босоногим мальчишкой... Теперь он идет по пристани высокий, бородатый...». И причитает за ним, убитая горем, мать, как в сказке:

«По утренним лазорям Аграфена восходила на морской бережок и плакала:

Гусем бы я была, гагарой,
Все бы моря облетела,
Морские пути оглядела,
Детище свое отыскала.
Зайком бы я была, лисичкой,
Все бы города обскакала,
Кажду бы дверь отворила,
В каждо бы оконце заглянула,
Всех бы за Иванушку просила...»

И завершается все, как в сказке, счастливо, к нашей всеобщей радости.

— В сказке всегда побеждает добро, справедливость. А здесь?

Подходим к кульминационному моменту урока: у Шергина побеждает любовь — матери к сыну, сына к матери.

— Вот тут-то мы и призадумаемся... Как вы считаете, был ли хоть день, когда мать сына не вспомнила? Единодушно решаем: не было такого дня: «нету слез против матерних».

— «Видимо, — говорит писатель, — скопились старухины слезы в перелетную тучку и упали дождиком на сыновнее сердце». Так и было, как вы думаете? Пролились дождем слезы материнские — и вспомнил сын маму?

Оказывается, если бы так было, что, действительно, было бы похоже на сказку (не случайно и слово в начале фразы — видно, выражавшее сомнение), а в жизни вспомнил он ее, когда у него самого дети появились: «Ребята просили у отца сказок. Он волей-неволей вспоминал материны песни-былины...» А «припевая детям материны перегудки, Ваня слышал материн голос, мать вставала перед ним как живая...».

Так детство своих детей вернуло Ивана в собственное детство.

— «Тут по весне напала на него печаль необычная». Это что же за печаль такая — необычная? И как она проявилась?

— Он увидел, корабль в Россию грузится, сердце у него забилось: «Маму бы повидать! Жива ли?» Затосковал он по маме.

— Он ее не видел двадцать лет, не знает, жива ли она. Поэтому и печалится. И хочется ему на родину.

— Вдруг бы она умерла, а он перед ней не повинился...

— Мы ему сочувствуем?.. Конечно! А автор?.. И автор. Ведь говорит он как? «Забилось сердце у нашего детинушки». Действительно, он наш: жалко нам его, хочется, чтобы печаль его, как туман, развеялась...

— И вот он в Архангельском городе. О чем его думы?

— Идет и думает: «Ежели мама жива, она булочками торгует».

— Он еще ее не увидел, а по голосу узнал. Она, как всегда, с шутками-прибаутками торгует: «Булочки мякошки! По полу катала, по подлавочью валяла!»

— Ваня все на маму глядел, наглядеться не мог. Соскучился.

— А вот не признался. Почему?

— Он думает: «Нет, страшно: она заплачет, мне от нее не оторваться. А семья как?»

— И все же сбылась его мечта: увидел он маму... Выходит, и причин уже для печали нет. Так?

— Нет, на другой год он опять места себе найти не может.

— Почему? Что же и теперь его так печалит?

— Он маму очень любит. Для него мамин голос, как колокольчик. «И жалко ему: постарела мама, рученьки худые...»

— Он вину перед ней чувствует. Ведь убежал без ее согласия: «Упасть бы в ноги! Может бы, и простила и отпустила... Нет, страшно!»

— И вы считаете, что Иванушка виноват перед мамой? Как думаете, легко с такой виной жить?.. Значит, не зря он в третий раз на родину возвращается? В сказках обычно, когда герой идет к цели, ему раз от разу приходится преодолевать все более трудные препятствия: и лес на пути станет, и река загорится, и горы вырастут... А Иван первый раз возвращается — «дуэт пособная поветерь», то есть какая? Попутная, ветер попутный.

А в третий? Верно, «веселый вест». Мы догадываемся, что ветер Иванову кораблику помогает. Словно и природа помогает герою в добром деле.

— Думаете, признался бы он матери, если бы она его не узнала? Ничего вас в этой встрече не поразило?

— Она помнит о трех родимых пятнышках на его правом плече.

— Он испугался признаваться: «молчит, как бумага белый».

— Испугался, что она его не отпустит, и деньги предложил.

— Не верит он, что мать отпустит назад: «Только не губи меня, отпусти!»

— Обидел он ее тем, что деньги хотел дать: «Убери свои деньги! Мне не деньги — мне сын дорог».

— Разве может мать сына погубить? Он прощения так и не попросил, а она его простила: «Ладно, дитя, я тебя прощаю и отпускаю тебя».

— Думаю, вы понимаете, почему Аграфена берет с сына клятву перед иконой Спасителя приехать на следующий год с внуком: страшный грех поклясться перед иконой и клятву не сдержать.

— Сколько лет прошло, пока соединились все в одну дружную семью?.. Опять сказочная цифра — три года.

— По вашему мнению, чем же Аграфена приворожила внуков и невестку?

Возвращаемся на круги своя: любовь, доброта, домашнее тепло, бабушкины сказки для внучат, приветливое слово «невестушке» сделали свое дело; худо, когда любовь к матери борется с любовью к семье — к жене и детям, от этого всем плохо; прощение же у мамы попросить никогда не поздно: его заслуживают и словом, и делом.

Разгадываем Аграфенину пословицу: «Где лодья ни рыщет, а у якоря будет».

— Где б ни бывал, а в родной дом воротишься.

— Где бы счастья ни искал, а найдешь на родине.

Согласимся, что обе мысли точны...

